

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

О СОВЕТСКОМ ФИННОУГРОВЕДЕНИИ

В «Советской этнографии»¹ появилась добросовестно и интересно написанная статья Н. Н. Чебоксарова «Некоторые вопросы изучения финноугорских народов СССР (по поводу одной научной конференции)». Статья посвящена рассмотрению сборника «Советское финноугроведение»², отражающего часть работ 1-й научной конференции по вопросам финноугорской филологии (в связи с вопросами истории и этнографии финноугорских народов). Н. Н. Чебоксаров — не лингвист, и с его стороны вполне естественны вопросы, звучащие в части случаев, как упреки. Эти вопросы требуют ответов.

1

Народы, называемые финноугорскими, связаны между собой только по языковым признакам. Это ни в ком из советских ученых не вызывает ни малейшего сомнения. В то же время любой отдельный финноугорский язык должен изучаться в связи с историей соответствующего народа. Отрыв языка от того, на чем он растет, — вещь, в советской науке совершенно не допустимая. Против этого отрыва всегда горячо протестовал Н. Я. Марр.

Эти два положения определяют существо советского финноугроведения. Это — лингвистическая научная дисциплина, не отрывающаяся по линии каждого из народов, говорящих на финноугорских языках, в отдельности от вопросов, интересующих и историков (собственно-историков, археологов, этнографов и т. д. вплоть до антропологов, поскольку они занимаются этногенетическими проблемами), и тем самым разбивающая свою лингвистическую скорлупу.

Нам не вполне понятно, почему Н. Н. Чебоксаров смущается моментом «комплексности» в работе советского финноугроведения. Эта «комплексность» простирается на каждый из народов, говорящих на финноугорских языках, в отдельности. Без такой «комплексности» нечего и пытаться строить советскую науку. Было бы совсем не по-советски совершенно изгнать из работ конференции и со страниц ее печатного органа историю, этнографию и другие смежные науки, касающиеся отдельных финноугорских народов. Никакой иной комплексности в работах советского финноугроведения не было, нет и не может быть. Не удивительно, что Н. Н. Чебоксаров принужден констатировать, что историко-этнографические выступления в первом томе сборника «Советское финноугроведение» располагаются по отдельным финноугорским народам.

Может показаться, что иную комплексность вводят выступления по проблемам отношений между русским народом, с одной стороны, и финноугорскими народами, взятыми каждый в отдельности, — с другой (имеем в виду выступления вроде статей В. В. Мавродина «Русское многонациональное государство и финноугорские народы» или Д. К. Зеленина «Общие элементы в древних финских и русских костюмах в первом томе «Советского финноугроведения»). Но такое впечатление неверно. Кстати сказать, подчеркивание связей между русским народом, с одной стороны, и финноугорскими народами, взятыми каждый в отдельности, с другой, — имеет не только научное значение.

С мыслью Н. Н. Чебоксарова о том, что советский финноугровед должен быть служителем чистой лингвистики («финноугроведение — чисто лингвистическая

¹ См. «Советская этнография», 1948, № 3.

² Сборн. «Советское финноугроведение», 1, Ученые записки Ленинградского гос. ун-та, серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1948.

дисциплина, изучающая языки финноугорских народов в их становлении, дальнейшем развитии и взаимодействии с языками других систем»³. Разрядка наша.—Д. Б.), никак нельзя согласиться, если мыслить так, как мыслил Н. Я. Марр.

2

Советское финноугроведение подходит к вопросам истории отдельных финноугорских народов не только пассивно (в порядке пользования указаниями собственно-историков, археологов, этнографов и т. д.), но и активно: лингвистические материалы нередко наталкивают на выводы исторического значения.

Здесь необходимо указать на одно обстоятельство, до сих пор известное только лингвистам, а работникам других гуманитарных наук, как оказывается, пока еще не известное. В первой половине и в середине XIX в. изучение финноугорских народностей стояло в России очень высоко, но к началу XX в. оно упало. Лингвистика в советское время выправила это положение. О советской исторической науке этого сказать нельзя. История прибалтийско-финских народов оказалась у нас в самом плачевном состоянии. Этим положением вещей широко воспользовались в Финляндии. Уже несколько десятилетий там усиленно разрабатывается теория, согласно которой племя корелы (отождествляемое там с современным карельским народом) сложилось из выходцев из западнофинляндского племени еми — того самого, которое составило (если не по названию, то по существу) ядро финского народа. Выводы из этой теории ясны. В разработке этой теории подвизались археологи (Тальгрэн и др.), лингвисты (Кеттунен и др.) — без использования, впрочем, лингвистических данных, наконец, историки. Многостороннее издание «Suomen historia» («История Финляндии», где большой второй том, трактующий, в частности, «карельскую проблему», написан известным реакционером Яккола) ставит все точки над i.

Как подходит к «карельской проблеме» наши враги, — это, к величайшему сожалению, осталось совершенно неизвестным нашим историкам. В книге С. Гадзяцкого «Карелы и Карелия в новгородские времена»⁴ мы находим ссылки на какие угодно гипотезы о происхождении карел, кроме выдвинутых позднее 1890 г. и кроме созданных нашими врагами.

Есть и другие многочисленные свидетельства о том же. Укажем хотя бы на «Схематическую карту к истории Карелии в IX—XI вв.», приложенную к упомянутой книге С. Гадзяцкого. На этой карте сумь оказывается на севере Финляндии, еми — на южном побережье и т. д. Все это абсолютно неверно. Не только географическое положение, но и границы племен Финляндии в разные исторические эпохи прекрасно известны и совершенно не соответствуют карте. В последующей литературе дело сложилось еще хуже. В только что вышедшей первой книге «История СССР» под редакцией М. Н. Тихомирова карта С. Гадзяцкого получила добавление: еми указана не только на южном побережье Финляндии, но и... на Свирь. То же добавление оказывается на карте, содержащейся в только что вышедшем томе Большой советской энциклопедии, посвященном специально СССР. Дальше идти некуда. Выходит так, что наши историки ставят карел даже в более близкое отношение к еми, чем финляндские.

Совершенно естественно, что наше финноугорское языкознание, в достаточной мере осведомленное в прибалтийско-финских вопросах вообще, не могло ждать, когда наши историки всерьез займутся прибалтийско-финскими проблемами. Широко поставленные и широко проведенные работы по диалектам Карелии в полной мере выяснили две вещи: 1) речь племени корелы никак не может быть сведена к речи еми VI—VIII вв.; 2) речь современного карельского народа отражает его сложное происхождение — из основных частей племен корелы и значительных частей племен веси (в широком смысле⁵). Разумеется, в состав карельского народа вошли и лопские элементы, но только на началах языковой ассимиляции.

Этническая антропология полностью поддерживает указанные нами положения, в корне разрушающие разрабатываемую в Финляндии теорию. Мы очень рады были прочитать об этом в статье Н. Н. Чебоксарова. Он пишет: «Выводы Д. В. Бубриха, сделанные на основании лингвистических данных, хорошо согласуются с данными других исторических дисциплин, в частности этнической антропологии... Очень вероятно, что в процессе формирования антропологического состава карел отразилось их происхождение из двух племенных групп, намеченных Д. В. Бубрихом: северо-западной — собственно-карельской и юго-восточной, связанной с древней весью и современными вепсами»⁶.

³ «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 176.

⁴ Петрозаводск, 1941.

⁵ Мы называем здесь весью не только белозерскую весь, но и всех, кто называл себя Vepsä.

⁶ Все это никак не снимает факта близкого языкового родства карел и финнов, коренящегося в близком языковом родстве древних суми, еми, корелы и веси. Мы протестуем не против факта, а против превратного его освещения.

3

Следуя учению Н. Я. Марра в одном, мы следуем ему и во всем другом.

И. И. Мещанинов формулирует установки учения Н. Я. Марра следующим образом: 1) речь развивается в неразрывной связи с мышлением; 2) речь развивается в непрерывной связи, через мышление, с обществом; 3) речь развивается в едином языкотворческом процессе; 4) речь развивается скачкообразно из стадии в стадию. Этим установкам мы верно следуем.

Но учение Н. Я. Марра состоит не из одних только установок. Им проделана колоссальная работа по освещению общего процесса глоттогонии. Им сделано исключительно много по прослеживанию архаических доиндоевропейских, дофинноугорских, дотюркских, досемитических и т. д. связей между языками Афревразии.

К несчастью, Н. Я. Марр скончался раньше, чем успел довести свою работу до конца. Относительно поздними горизонтами речи он не успел заняться вплотную. Высказываний по индоевропейским языкам, приобретшим уже характер индоевропейских, и по языкам других систем, приобретшим уже соответствующий характер, у него мало. Одно время после кончины Н. Я. Марра было модно применять к относительно поздним горизонтам речи ту методику, какую Н. Я. Марр применял к архаическим горизонтам. Но это было грубым нарушением принципов работы самого Н. Я. Марра, который никогда не смешивал разных стадий развития речи. К таким грубым нарушениям до сих пор склонны многие, не следящие за ходом развития советской лингвистики. Но в самой советской лингвистике эти грубые нарушения уже вполне изжиты. Разумеется, это связано с тяжелым трудом доработки того, что не успел закончить Н. Я. Марр.

Финноугорское языкознание в отношении наследия Н. Я. Марра находится в особенно трудном положении. Н. Я. Марром написано довольно много об архаической подготовке финноугорской речи и об ее архаических связях, особенно с Кавказом. Но собственно финноугорские горизонты развития финноугорских языков им совсем не затрагивались. Особенно больно это ощущается в области развития структур финноугорских языков.

Так как советское финноугорское языкознание работает в собственно финноугорских горизонтах развития финноугорских языков, то вполне понятно, что оно имеет очень мало случаев ссылаться на Н. Я. Марра в вопросах, выходящих за рамки установок. Может быть, произошло бы хорошее впечатление, если бы мы вносили в изложение приятную долю смещения относительно позднего с архаическим. Но, право же, мы слишком уважаем Н. Я. Марра, чтобы ради приятности изложения хотя бы чуть-чуть изменять его требованию строго различать стадии развития речи.

Не скроем, что в отдельных вопросах мы не соглашались с Н. Я. Марром. Мы склонны трактовать некоторые этнические термины в среде финноугорского по языку населения не в архаических, а в позднейших планах. Так, мы не можем согласиться со связыванием названий коми и Suomi (в чем мы имеем поддержку со стороны всех рабистиков коми), а это, вместе с новыми материалами, неминуемо приводит нас к новому освещению и пермских, и прибалтийско-финских (с лопарскими) этнических терминов. Такого рода несогласия с Н. Я. Марром, разумеется, совершенно неизбежны по самому ходу развертывания его дела.

4

Н. Н. Чебоксаров совершенно прав, когда ставит вопрос: как же конкретно следует представлять себе историческое существо и исторические судьбы финноугорских языков? В рецензируемом им сборнике, который отнюдь не вмещает в себя всю сумму выдвигаемых советским финноугорским языкознанием положений, об этом ничего нет: дело касается вещей, давно известных каждому советскому финноугроведу.

Прежде всего, несомненно общих положений.

Как доказал Н. Я. Марр, развитие языков идет от множества к единству (схема: пирамида, стоящая на основании, Δ), а не наоборот (схема: пирамида, стоящая на вершине, ∇). Но значит ли это, что любая пара или группа языков должна рассматриваться только под знаком схождения? Нет, не значит.

Материальные схождения между языками вырабатываются только при относящемся к той или иной эпохе контакте между коллективами — носителями этих языков. Если контакт между коллективами длится, материальные схождения между языками укрепляются и нарастают. Если контакт между коллективами расторгается, материальные схождения между языками вступают в полосу разрушения. Таким образом, существуют процессы материального схождения и материального расхождения языков. Общее количество явлений схождения преобладает над общим количеством явлений расхождения, так как человеческие коллективы делаются все крупнее и связи между ними все теснее.

В качестве фактора, влияющего на общее движение от множественности языков к единству, играет большую роль языковая ассимиляция, т. е. распространение языков из одних человеческих групп в другие. Языковая ассимиляция в очень большой мере содействует изжитию множественности языков. Сравним хотя бы языковые «карты» Передней Азии IV—III тысячелетий до н. э. и наших дней или языковые «карты»

Средиземноморья I тысячелетия до н. э. и современную. Языковой ассимиляции придается тем большее значение, что она окончательно устраняет в языках расовую основу.

В финноугорских языках имеются и словарные и грамматические сходства. Количество первых составляет много сотен случаев. Что касается вторых, то они проникают в основы грамматики в целом. Замечательно, что сходные слова составляют своего рода систему, прямо обрисовывающую культурное состояние на пороге эпохи металла. Раскрывается картина обитания в теплой полупустынке, охоты с помощью лука и стрел, рыболовства с помощью довольно сложного ассортимента срудий, скромнейших начатков животноводства и земледелия, экзогамно-родовых отношений и т. д.; металл выступает в поле зрения в украшениях. К этому прибавляются некоторые географические показатели. Раскрывается картина климата со снегом и льдом зимою, растительность южного пояса лесной полосы, животного мира бассейна Волги без низовья⁷.

Совершенно ясно, что накануне металла где-то в бассейне Волги еще не сошел со сцены контакт между языками, в котором определился финноугорский характер этих языков, выработка на определенной ступени развития множества общих лексем и общих основ грамматики⁸. В условиях контакта эти языки были, разумеется, ближе друг к другу, чем оказались позднее, когда контакт расторгся. Преувеличивать эту близость, однако, нельзя. Отчетливо прощупываются, хотя (за дальностью «расстояния») и не в полной мере прослеживаются, различия между этими языками. Этому последнему обстоятельству в «Советском финноугроведении» уделяется большое внимание⁹. В то же время, как об этом говорит множество общих лексем и общие основы грамматики, они должны были длительно контактировать между собой по преимуществу. Добавим, что состав контактирующих языков был подвижный. Ни о каком финноугорском «праязыке», т. е. языке — общем предке финноугорских языков, не может быть и речи. Сходства обеспечивались задолго начавшимся контактным развитием¹⁰.

Позднее мы находим языки финноугорской системы разбросанными на разных территориях и весьма друг от друга отделившимися. Перемещение финноугорской речи следует связывать меньше с миграциями, чем с языковой ассимиляцией. Не подлежит сомнению, что лопари стали пользоваться одной из разновидностей финноугорской речи только несколько тысячелетий назад — в лопарской фонетике отражаются фонетические «перебои», объясняющиеся переходом финноугорской речи в новую среду (появление задержки артикуляции согласных при определенных условиях, исчезновение шипящих согласных, сокращение числа гласных и т. д.). Многое говорит и за то, что только с некоторых пор стали пользоваться финноугорской речью также прибалтийские финны, с одной стороны, и угры, — с другой. Нельзя ручаться даже за весь состав волжско-камских финноугорских народов. Особенный интерес представляют в данном отношении прибалтийские финны. Такие совсем не финноугорские явления, как различение долгих и кратких гласных (в области фонетики) или согласование определения с определяемым (в области грамматики), сближают прибалтийско-финскую речь с литово-латышской и заставляют думать, что этническая среда, в которой утвердилась прибалтийско-финская речь, была сродни той, где утвердилась литово-латышская речь. Вместе с тем такое явление, как падение шипящих согласных, аналогичное лопарскому (хотя и иначе протекшее), заставляет думать, что дело осложнилось вхождением кое-каких этнических элементов из числа тех, которые представлены в лопарях. Обстоятельства ассимилятивного продвижения финноугорской речи к Балтийскому морю начинают понемногу разясняться. Но здесь мы на этом не можем остановиться.

Вряд ли надо говорить, что разрушение древнего финноугорского языкового контакта было связано с установлением контактных отношений с новыми «партнерами». Но времена были уже не архаические, языки в своей структуре, а отчасти и в лексике, утеряли архаическую пластичность. Поэтому контактные отношения с новыми «партнерами» с некоторых пор стали выражаться преимущественно в так называемых заимствованиях, т. е. приближаться к тем порядкам в отношениях, которые господствуют в настоящее время.

5

Несколько слов о заимствованиях.

Архаические общности между языками и заимствования из языка в язык весьма легко отличимы одни от других. Лингвистика имеет в своем распоряжении много точных и испытанных средств для их различения. Поскольку дело касается заимствования, она имеет возможность не только выделить их, но и хронологизировать — в относительных, а обычно и в приблизительных абсолютных датах. Так, например, финно-

⁷ Заметим между прочим: нет старых финноугорских названий вневолжских рыб, например, угря и лососевых, — ср. Л. С. Берг, Названия рыб и этнические взаимоотношения славян, «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 67 и сл.

⁸ Разумеется, финноугорские языки никогда не контактировали только между собой.

⁹ См. всю первую главу нашей статьи «Сравнительная грамматика финноугорских языков в СССР», Сборн. «Советское финноугроведение», I.

¹⁰ Идея контактного развития выдвинута нами в 1946 г. и уже получает хождение в советской лингвистике.

угорское *u...* *t...*—вода или финноугорское *m...* *t...*—мед или финноугорское *u...* *l...*—соль по целому ряду признаков не могут быть признаны заимствованиями из каких-либо индоевропейских языков, а должны быть отнесены в план архаических общностей. Но вот прибалтийско-финское *hernes*, *herne(h)*—горох должно быть признано заимствованием из литво-латышского источника (ср. лит. *žirnis*—горох; литво-латышские *ž* и *š* отражаются на прибалтийско-финской почве закономерно как *h*), так как морфология прибалтийско-финского и литво-латышского слов отчетливо литво-латышская. Время заимствования, по фонетическим данным,—незадолго до н. э.

Чтобы в вопросе о заимствованиях не было неясностей, надо подчеркнуть, что, скажем, литво-латышские и древнегерманские заимствования в прибалтийско-финских языках являются современниками греческих заимствований в латинском языке и латинских заимствований в древнегерманских языках и протекали в той же Европе. Если в последних случаях специалист умеет прекрасно отличать заимствования от архаических общностей, то это же наблюдается и в первых случаях.

Из сделанных, начиная с третьей четверти прошлого века балто-финских и германо-финских сближений, многие неправильны. Но некоторая их часть бесспорна. Как известно, ни Ф. Энгельс, ни К. Маркс отнюдь не обвиняли лингвистическую науку даже третьей четверти прошлого века в неточности. Наоборот,—высказывания классиков марксизма на этот счет общезвестны.

С тем, что получается в результате изучения заимствований в прибалтийско-финских языках, приходится самым серьезным образом считаться¹¹. Априорные соображения, конечно, не могут противопоставляться фактическим данным.

6

Остался один момент, самый трудный. Мы имеем в виду языки и диалекты родоплеменных обществ. Дело совсем не так просто, как это представляется Н. Н. Чебоксарову.

Сначала несколько общих замечаний.

Род и племя имеют первичные и вторичные признаки. Первичный признак рода, сложившийся, конечно, на хозяйственной основе,—экзогамия. Первичный признак племени как общественной единицы—связь родов на началах взаимного восполнения в экзогамно-брачных отношениях. Где род, там и племя. Вторичные признаки рода и племени удобнее всего охарактеризовать, исходя из вторичных признаков племени (вторичные признаки рода в определенной мере с ними соотносительны). Ко вторичным признакам племени относятся, кроме хозяйственных и производных от них связей, неразрывных с брачными, еще следующие, указываемые Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

Собственная территория племени, трактуемая как единая территория, а не просто как совокупность территорий отдельных родов (места поселения—значительная область для охоты и рыбной ловли—пограничная «пустыня»).

Собственное имя племени. Дело касается не таких «самоназваний», как «человек», «настоящий человек» и т. п., а имени племени в собственном смысле этого термина.

Особый, лишь этому племени свойственный диалект. Племя и диалект по существу совпадают. Исключения наблюдаются лишь в случаях, когда два ослабевших племени слились в одно.

Общие религиозные представления (мифология) и обряды культа.

Совет племени для обсуждения общих дел, состоящий из сахемов и военных вождей отдельных родов, а иногда и общий глава племени—один из сахемов, на данную должность избранный.

Определенные права племени по отношению к родам, осуществляемые советом племени, в частности право вводить в должность избранными родами сахемов и родовых вождей, а также право смещать их, даже против желания рода.

Ничто не говорит за то, чтобы вторичные признаки рода и племени возникали все одновременно с первичными. Поэтому род и племя в начале развития (а они развиваются, как и все в мире) могут существенно отличаться от рода и племени в конце их развития, в предклассовую эпоху. В особых условиях—в условиях разбросанности родов на больших расстояниях друг от друга, например, на севере—появление некоторых вторичных признаков племени может очень задерживаться¹².

Ирокезские род и племя вступили уже в полосу, когда появился союз племен. Греческий род и племя известны нам в предклассовую эпоху. То же можно сказать о кельтском и германском роде и племени. Все это—род и племя у верхнего конца своего развития и притом в условиях, благоприятствующих сложению всей полноты вторичных их признаков. Но на более низких ступенях развития и в особых условиях картина не может быть той же, что у ирокезов.

Во времена Ф. Энгельса этнографические данные были еще не богаты. Особенно

¹¹ Не следует только воспринимать вещи неверно. Так, искажающее слово «все» оказалось в статье Н. Н. Чебоксарова (на стр. 179, 2-я строка снизу), если не вследствие корректурной ошибки, то в силу неверного восприятия вещей со стороны автора.

¹² О значении разбросанности или скученности населения см. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 118 (по изд. 1947 г.).

трудно дело обстоит с нашим севером (Ф. Энгельс соприкоснулся с ним только в вопросе о групповом браке у гиляков). Характеристика рода и племени у начала их развития и в особых условиях была еще невозможна. Очевидно, надо вести работу дальше.

Теперь обратим внимание на следующие явления.

Как известно, у многих народов сохраняются пережитки различия мужского и женского языков или диалектов. Есть случаи (особенно в Америке) очень яркие. Но чаще перед нами случаи разных степеней смягченности — вплоть до небольших фонетических различий.

Далее: как известно, у многих народов сохраняются рассказы, где герой ездит за женой к людям, живущим на свой особый лад и говорящим на своем особом языке или диалекте. Вспомним хотя бы «Калевалу». Герон Калевалы (это одна из двух «стран», описываемых в «Калевале») ездит за женой в Похьолу. Как ни связаны Калевала и Похьола в брачных отношениях, но в каждой из них свои порядки и своя «власть». Да и говорят в них по-разному — в Похьоле говорят «по-лопарски» (см. два места в руне XII)¹³.

Что же это такое? В брак вступали ведь представители не разных племен, а разных родов (или выросших на их основе фратрий). Выходит так, что у родов, связанных брачными отношениями, когда-то были разные порядки, разная «власть» да и разные языки или диалекты.

К указанным явлениям нельзя отнестись легко. Те или иные пережитки различия мужских и женских языков или диалектов имеются во всех пяти частях света. Рассказы о герое, едущем за женой в «страну», где свои порядки, своя «власть» и свой язык или диалект, существуют повсеместно. Никак нельзя свести все это к какому-нибудь особым случаям. Тем более нельзя подвести все это под марку чего-нибудь позднейшего. Все это не что иное, как отражение селой древности, когда род и племя соотносились иначе, чем у ирокезов. Конечно, с течением времени все это приспособилось к новой обстановке, обросло отражениями позднейших эпох. Рассказы о сватовстве в чужом роде, живущем своими порядками и подчас оказывающемся враждебным, обросли чертами позднейших отношений между племенами и народами, разукрасились преувеличениями и фантастическими вымыслами.

Совсем не трудно представить себе род и племя у начала их развития или в особых условиях. Два рода связаны брачными отношениями. Значит ли это обязательно, что они уже успели сложить вместе свои территории, выработать название, охватывающее их обоих, выработать общий язык или диалект, выработать общие религиозные установления, создать регулярно функционирующий общий совет старейшин и т. д.? Нет, совсем не значит. Все это впереди, а пока этого еще нет. Поскольку роды связаны брачными отношениями, они уже составляют племя. Но это совсем не ирокезское племя. Племя пока является по существу союзом «суверенных» родов. До сосредоточения «суверенитета» в племени еще далеко.

Было бы совершенно неправильно думать, что брачные отношения между родами обрастают новыми явлениями очень быстро. Каждый «суверенный» род очень долго держится за свой «суверенитет». Этот «суверенитет» — не шутка. Для сосредоточения «суверенитета» в племени нужны не десятки и не сотни и не тысячи лет, а целые стадии развития. Насколько упорно род борется за свой «суверенитет», видно хотя бы в языковой области: ведь различие мужской и женской речи дает себя знать по сей день даже у культурнейших народов (например, на Кавказе).

Весьма важно отметить, что, пока племя является по существу союзом «суверенных» родов, оно имеет еще слабую внутреннюю связь. Между «суверенными» родами, составляющими племя, временами возможны военные конфликты (как между Калевалой и Похьолой). «Суверенные» роды, составляющие племя, могут попадать в разные исторические «переплеты» и совсем отрываться друг от друга. Само собой понятно, что, отрываясь друг от друга, они, каждый в отдельности, должны найти себе новых «партнеров» в брачных отношениях, т. е. либо примкнуть к другим племенам — союзам «суверенных» родов, либо составить с подобными им оторвавшимися родами новые племена того же рода. В ходе времен перегруппировки «суверенных» родов по пле-

¹³ Чтобы не было недоразумений, надо указать, что такое в «Калевале» «Лапландия». Это — вовсе не Лапландия в привычном для нас смысле, а просто относительно северные места. Такое понимание «Лапландии» у прибалтийских финнов, если не первоначально, то возникло очень рано в процессе продвижения на север, когда местности, раньше бывшие лопарскими, по уходе оттуда лопарского населения продолжали трактоваться как «лопарские». В г. Орешке северный конец называли Лопским концом, хотя лопарей у Невы не было уже задолго до XIV в. В Карелии лизвики и людики называют «лопарями» всех собственно-карел, собственно-карелы бассейна р. Суны называют «лопарями» всех более северных собственно-карел, собственно-карелы берегов Сегозера используют название «лопарей» для карел в направлении Ондозера и севернее и т. п., и только наиболее северные собственно-карелы прилагают название «лопарей» к настоящим лопарям; некоторые группы собственно-карел называют «лопарями» и себя. В административной практике термин «Лопские погосты» (охватывавший все погосты в Средней и Северной Карелии) удерживался и тогда, когда никаких лопарей в этих местах не было.

нам могут происходить и неоднократно — ведь начало верхнего палеолита, когда возникли родо-племенные порядки, отделено от нас приблизительно 50 тысячами лет!

Здесь место объяснить, почему мы так заинтересованы в мысли, что племя когда-то было союзом «суверенных» родов и соответственно роды могли пользоваться разными языками или диалектами.

Существует два подхода к разъяснению исторического существа систем языков, входящих в доклассовые времена. Один подход характеризуется выдвинутым идеей происхождения системы языков на основе расчленения языка — общего предка, так называемого праязыка. Этот подход упорно держится в буржуазной науке. Другой подход характеризуется выдвинутым идеей происхождения системы языков на основе скрещения (или смешения) языков. Этот подход разработан Н. Я. Марром.

Если мы встанем на точку зрения исконной организации родо-племенной жизни по ирскескому типу, мы никак не поймем явлений языкового скрещения (смешения), создавших, согласно советской точке зрения, системы языков. В самом деле: племена (пока дело не дошло до союзов племен) связаны между собой довольно слабо. Брачных связей нет. Прием в племя чужаков составляет редкое явление. Включение в племя женщин истребленного племени составляет явление исключительное. Покорения племен племенем еще не существует. К тому же обменные связи между племенами еще слабы и их правильности ничем не гарантируется. В этой обстановке скрещение (смешение) языков невероятно.

Но если мы встанем на точку зрения первоначального устройства племени как союза «суверенных» родов, все становится для нас понятно. В течение веков, тысячелетий и десятков тысяч лет возникает много явлений перегруппировки «суверенных» родов по племенам и при каждой такой перегруппировке в связи вовлекаются дотеле не связанные «суверенные» роды, и это в самых различных комбинациях. Хотя в каждый данный момент каждое племя имеет строго определенный состав, но в ходе времени эти границы теряют свое значение. Создается обстановка, не только благоприятствующая скрещению (смешению) языков, но и прямо его обуславливающая.

Как видно, точка зрения первоначального устройства племени как союза «суверенных» родов не только оправдывается приведенными выше соображениями, но и прямо неизбежна, если держаться линии учения Н. Я. Марра.

Не возможно ли, однако, что в конце концов мы попадаем в антиэнгельсовский тупик? Нет, ничего похожего на это нет. Взвесим следующее. Ф. Энгельс, по состоянию знаний своего времени, не мог выдвинуть идеи языкового скрещения и всего соответствующего комплекса идей. Н. Я. Марр, по состоянию знаний своего времени, умноженных его личным научно-исследовательским трудом, смог углубиться в прошлое и выдвинуть эту идею. Противоречит ли учение Н. Я. Марра положениям Энгельса? Нет, не только не противоречит, но развивает их дальше. Далее, Ф. Энгельс, по состоянию знаний своего времени, не мог развернуть картины древних отношений между родом и племенем. По линии учения Н. Я. Марра эта древняя картина разворачивается. Противоречит ли утверждение этой древней картины учению Энгельса? Нет, не противоречит, а развивает его. Сказав «А», надо сказать и «Б».

Напрасно Н. Н. Чебоксаров приписывает изложенные «еретические» мысли только пишущему эти строки. Последний лишь впервые разворачивает всю нить соответствующих рассуждений, но идея принадлежит не ему.

В статье «Новое учение о языке на современном этапе развития» в том же томе «Советского финноугроведения», который рецензирует Н. Н. Чебоксаров, И. И. Мещанинов очень ясно говорит о языках родовых ячеек или языках отдельных родов¹⁴.

Пишущий эти строки идет по путям Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова. Поэтому в своем докладе на финноугроведческой конференции он говорил о родовых языках, а в статье, отражающей этот доклад, писал о родовых диалектах¹⁵. Вместе с тем он, обсуждая сложение финноугорской системы языков, ориентировался вообще на «суверенный» род и слабо связанное, неустойчивое, меняющее свой состав племя. Племени он не мог отрицать — кому же это придет в голову, когда речь идет об экзогамных родах? Но он отрицал сложение организованных племенных форм жизни (т. е. форм, определяемых нарастанием всей совокупности вторичных признаков вплоть до совета старейшин). Н. Н. Чебоксаров разницы между этими двумя вещами не заметил.

У финноугроведов есть особые основания для утверждения «суверенного» рода в неустойчивом племени в эпоху сложения финноугорской системы языков. Финноугорские языки по всему их складу — северные языки. Конечно, Поволжье, с географической точки зрения наших дней, не входит в состав Севера. Но в свое время оно по формам производства и по всему жизненному укладу примыкало к Северу. А Север с его малой заселенностью и разбросанностью населения, чрезвычайно благоприятствует задержке в выработке вторичных признаков рода и племени.

И вот приходится констатировать две вещи.

¹⁴ И. И. Мещанинов, Новое учение о языке на современном этапе развития. Сб. «Советское финноугроведение», I, стр. 17.

¹⁵ Термин «родовые диалекты», как оказалось, в лингвистической среде доходчивее и родит меньше недоразумений, чем термин «родовые языки». В тексте статьи, по корректурной оплошности, термин «родовые языки» дважды оказался невыправленным.

1) В финноугорских языках обнаруживается полный «набор» старых терминов родовой жизни, включая термины родства, и в то же время нет ни одного старого термина организованной племенной жизни. Термины организованной племенной жизни все без изъятия разъясняются как возникшие относительно поздно (во II или I тысячелетиях до н. э.) из хорошо прослеживаемых своих и иноязычных источников.

2) У финноугорских народов нет достоверных старых племенных названий. Некоторая часть племенных названий остается темной, что неудивительно. Но большинство разъясняется как возникшие относительно поздно (в Поволжье во II или I тысячелетиях до н. э., в Прибалтике в I тысячелетии до н. э. или в I тысячелетии н. э.) из хорошо прослеживаемых источников. Поскольку эти племенные названия относительно поздно происхождения, они разъясняются в согласии с указаниями Ф. Энгельса, которые являются чрезвычайно важными¹⁶. Одно из двух: либо в финноугорскую древность еще вообще не возникало племенных названий (как не возникло племенных названий, охватывающего Калевалу и Психолу), либо они были настолько неустойчивы, что легко исчезали без уловимых следов.

Мы убеждены, что этнографы, если они будут руководствоваться идеей Н. Я. Марра о стадильности применительно к отношениям между родом и племенем (как лингвисты руководствуются этой идеей применительно к явлениям речи), со своей стороны не замедлят подтвердить указанное. Нам представляется, что большой не изученный еще материал может быть найден на нашем Севере. Укажем хотя бы на лопарей-саамов, о которых можно судить не только с точки зрения сегодняшнего дня, но и с точки зрения XVI—XVII вв. (материалы есть). Мы могли бы изложить некоторые наблюдения и сейчас, но опасаемся сделать при этом ряд промахов: лингвист в этнографии это приблизительно то же, что этнограф в лингвистике. Поэтому мы предпочитаем подождать, что выяснит насчет лопарей-саамов этнографы.

Выступление Н. Н. Чебоксарова не во всем удачно. Установки нового учения о языке на современном этапе развития ему не вполне известны. Вопрос об отношениях между родом и племенем на разных стадиях развития сложнее, чем он думает; в этом вопросе никак нельзя не считаться с соображениями лингвистов, и его окончательное разрешение — дело предстоящей совместной работы ученых разных специальностей в области гуманитарных наук.

В то же время очень многие указания Н. Н. Чебоксарова справедливы. Нашу статью «Советское финноугорское языкознание» следовало бы расширить, включив туда в частности, конкретные указания о времени, месте и порядке формирования финноугорской системы языков. Нашу статью «Сравнительная грамматика финноугорских языков в СССР» тоже следовало бы расширить, начав ее с главы об архаических истоках и связях языков финноугорской системы, как их обрисовывает Н. Я. Марр. Полезно было бы где-нибудь в книге разяснить вопрос о разных заимствованиях в финноугорских языках, ибо этот вопрос пересматривался, часть заимствований признана, но некоторые и отвергнуты¹⁷. В общем, в статьях пишущего эти строки слишком много ориентации на людей, находящихся в курсе работ советского финноугроведения, и слишком мало ориентации на широкий круг читателей. Ряд недостатков справедливо указан и в других статьях.

К ошибкам советского финноугроведения надо относиться не без снисхождения (что признает и Н. Н. Чебоксаров, написавший свою рецензию в очень мягких тонах): эта новая советская научная дисциплина, весьма сложная, растет в очень быстрых темпах, а следовательно, в ней особенно много случаев не только для достижений, но и для ошибок.

В области методологии советское финноугроведение не столько на словах (зловратится мало, — может быть, к ущербу популярности), сколько на деле стремится следовать установкам Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова, ни на секунду не сбываясь на вульгаризацию. Оно тщательно блюдет престиж советской науки. Оно резко заострено против зарубежных и устарелых отечественных теорий. В дальнейшем своем развитии оно нуждается в помощи не только лингвистов (эта помощь есть), но и работников смежных гуманитарных специальностей.

Рецензия Н. Н. Чебоксарова открывает путь к сотрудничеству с работниками других научных дисциплин, а значит, обещает помощь с их стороны. Рецензию эту финноугроведы приветствуют.

Д. Бубрих

¹⁶ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 104 (по изд. 1947 г.).

¹⁷ В этой связи следует заметить, что совершенно сдвинулось наше прежнее представление о «Калевале». Об этом мы сообщим в своем выступлении на столетнем ее юбилее.